

Жандармы и «нравственный контроль» за жизнью русского общества*

Grigory Bibikov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Gendarmes and «moral control» over the life of Russian society

DOI: 10.31857/S086956870001582-1

Новая книга саратовского историка О.Ю. Абакумова объединила статьи разных лет¹, посвящённые участию III отделения Собственной е.и.в. канцелярии «в нравственном контроле частной и общественной жизни россиян, во внесудебном разрешении семейных и бытовых конфликтов, в формировании и сохранении норм общественной нравственности и порядка» (с. 9). Эти сюжеты впервые рассматриваются в специальной монографии, хотя в последнее время к ним обращались и другие авторы². Кроме документов III отделения (дела из «Секретного архива», всеподданнейшие доклады, ежегодные отчёты, юбилейные обзоры), в работе использованы материалы Министерства юстиции и МВД, а также обширный круг источников личного происхождения. Хронологические рамки исследования ограничены учреждением III отделения в 1826 г. и реформой политической полиции в середине 1860-х гг.

Понятие «нравственный контроль» трактуется Абакумовым широко. В силу специфики главного источника — агентурных сводок — речь идёт преимущественно об отклонениях от принятых норм и правил, поскольку, как отмечает автор, «заинтересованное в сохранении и поддержании традиционных устоев, полицейское ведомство изначально было ориентировано на фиксацию девиантного поведения, выявление факторов его предопределивших и способствовавших изменению канонов» (с. 213).

В первой главе говорится про облик столичного студенчества 1850–1860-х гг., городское хозяйство, пьянство и трезвенное движение, сексуальное насилие в крепостной деревне. Все эти явления так или иначе находились в поле зрения III отделения. Глава «Жандармы в борьбе со взяточниками» написана на основе комплекса дел из фон-

дов Министерства юстиции в РГИА (преимущественно 1820–1840-х гг.). В ней прослеживается логика взаимодействия высшей полиции и центральных ведомств: записки о злоупотреблениях губернских чиновников поступали в III отделение от жандармских штаб-офицеров, значимые сведения направлялись в соответствующие министерства без указания источника. Министр мог инициировать проверку, а шеф жандармов отслеживал её результаты. В книге рассмотрено более десяти таких эпизодов, но поскольку они не позволяют судить об общей интенсивности взаимодействия двух ведомств и её изменении с течением времени, вывод Абакумова о том, что «тайная жандармская “гласность” позволяла бороться со следствием, не замечая причин, консервируя правовую отсталость государственного механизма» (с. 98), представляется всё же преждевременным. Не учитывается при этом и то, что под надзором жандармских штаб-офицеров находились все высшие чиновники местной администрации вплоть до губернатора, а III отделение инициировало собственные расследования и проверки, результатом которых были кадровые решения, принимаемые в обход министерств³.

Третья глава освещает случаи вмешательства высшей полиции в семейные конфликты людей самого разного социального статуса — аристократов (среди них особое внимание автора привлёк польский магнат и авантюрист гр. М. Потоцкий), чиновников, городской прислуги. Характерно, что подданные нередко сами обращались в III отделение с жалобами на родственников. Такие сведения обычно передавались министру внутренних дел или докладывались непосредственно императору. Поскольку законодательные нормы затрудняли развод супругов, по указаниям Николая I высшая

* Абакумов О.Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. М.: Центрполиграф, 2017. 319 с.

Материал подготовлен при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых российских учёных, проект № МК-257.2017.6.

полиция, сохраняя в тайне обстоятельства частной жизни, добивалась разрешения споров во внесудебном порядке. Если это не удавалось, применялись административные меры, вплоть до помещения в монастырь на покаяние или передачи именина в опеку. Александр II, по-видимому, был менее склонен к подобным методам и неохотно вникал в детали семейных неурядиц, предпочитая отдавать такого рода дела на усмотрение суда или специальных комиссий. Так, в 1865 г. московский генерал-губернатор, городской голова и начальник II округа Корпуса жандармов рассматривали жалобу жены почётного гражданина В.П. Боткина, которая добивалась разрешения проживать отдельно от мужа (с. 129–130). В четвёртой главе обстоятельно изложена история неуравновешенного помещика Н.Н. Телепнева.

В пятой главе Абакумов обращается к повседневной жизни Петербурга. В 1850–1860-х гг. «промышленный рост, трудовая миграция, освобождение от опеки семьи, отсутствие социального (“соседского”) контроля в больших городах способствовали утверждению новой морали» (с. 230). В столице бурно развивалась массовая развлекательная культура с театрами, вокзалами, танцклассами, клубами и полулегальными игорными домами. Агенты III отделения вели в них политические разговоры и узнавали городские слухи, фиксируя нарушения общественного порядка и необычные происшествия. Героями полицейской хроники становились то женщина-обезьяна, приезд которой в Петербург в 1858 г. привлёк большое внимание публики, то нетрезвый приказчик, грозивший в околотке, что «о том, как с ним поступила полиция, сообщит Герцену для напечатания в “Колоколе”» (с. 194). Шестая глава рассказывает о регулировании проституции. Обильно цитируемые выдержки из документов III отделения и полицейских отчётов помогают автору реконструировать обстановку городской повседневности — так же, как в других исследованиях они служат для описания губернского чиновничества, настроений крестьян и т.д.⁴ При этом собственно деятельность высшей полиции отходит на второй план, что, возможно, обусловлено выбором источника: в делах «Секретного архива», где хранятся прежде всего агентурные сводки и выписки из перлюстрации, она отражена достаточно скуп.

Седьмая, заключительная глава книги представляет собой краткий очерк драматической цензуры 1830-х — начала 1860-х гг., также находившейся в ведении высшей полиции. С помощью записок и отчётов чиновников пятой (цензурной) экспедиции

III отделения Е.И. Ольдекопа, М.А. Гедеонова (сына директора императорских театров), И.А. Нордстрема исследователь раскрывает мотивацию цензурных запретов, дополняя и уточняя известный труд Н.В. Дризена⁵.

Абакумов не счёл нужным утомлять читателей описанием организационной структуры политической полиции и специфики агентурной работы, ограничившись краткой справкой о принципах кадрового отбора и секретных инструкциях для чинов Корпуса жандармов; в историографическом очерке им даже не упомянуты основные обобщающие работы по истории III отделения⁶. С этим связаны, вероятно, и отдельные неточности, встречающиеся в тексте. Так, в заключении приводятся критические отзывы современников о губернских жандармах, тогда как предшествующие главы построены преимущественно на донесениях столичных агентов, имевших несколько иные служебные обязанности. Фактически книга распадается на серию очерков, не позволяющих судить о том, какое место изложенные в них сюжеты занимали в общем потоке дел тайной полиции. Поэтому трудно сказать, действительно ли «слухи и городские толки суммировались чиновниками Третьего отделения, и несколько раз в неделю, а иногда ежедневно представлялись шефу жандармов» только для того, чтобы он «имел возможность во время своих докладов императору, в беседах с сановниками проявлять хорошую осведомлённость в нуждах, чаяниях, настроениях россиян» (с. 68)?

В истории III отделения 1820–1860-х гг. Абакумов видит «воплощённый А.Х. Бенкендорфом по прямым указаниям императора Николая I проект надзорно-контролирующей структуры» (с. 269). Однако включённые в книгу очерки указывают скорее на изменение приоритетов деятельности высшей полиции от установления контроля над чиновниками к надзору за частной жизнью подданных. Или такая картина складывается лишь вследствие авторского подхода к отбору источников? В целом, оценивая результаты «нравственной опеки», исследователь констатирует, что «победить пороки и исправить нравы явно не удалось» (с. 266), а замысел Бенкендорфа «оказался неэффективным» (с. 269). Вместе с тем легко написанная книга О.Ю. Абакумова предлагает увлекательные зарисовки бытовой культуры середины XIX в. и даёт богатую пищу для размышлений о месте III отделения в системе государственного управления Российской империи.

Примечания

¹ См.: *Абакумов О.Ю.* Драматическая цензура и III отделение (конец 50-х — начало 60-х годов XIX века) // *Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Вып. 1.* СПб., 2001. С. 66–76; *Абакумов О.Ю.* Развлечения горожан по донесениям российской тайной полиции (конец 1850-х — начало 1860-х гг.) // *Городская повседневность в России и на Западе. Сборник научных трудов.* Саратов, 2006. С. 127–147; *Абакумов О.Ю.* Интимная жизнь русских дворян: герой-любовник Н.Н. Тепленев и его жертвы // *Неофициальная жизнь горожан: Запад–Россия–Восток. Сборник научных трудов.* Саратов, 2007. С. 66–91; *Абакумов О.Ю.* Жандармы в борьбе со взяточниками // *Противодействие коррупции: государственная политика и гражданское общество. Сборник статей.* Саратов, 2015. С. 174–179.

² См., например: *Экшут С.А.* Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции. М., 2001; *Экшут С.А.*

Ох, Анна Львовна! // *Родина.* 2013. № 3. С. 81–89.

³ Подробнее см.: *Бикташева А.Н.* Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // *Quaestio Rossica.* 2015. № 2. С. 132–143.

⁴ См., например: *Зайончковский П.А.* Губернская администрация накануне Крымской войны // *Вопросы истории.* 1975. № 9. С. 33–51; *Гросул В.Я.* Общественное мнение в России XIX века. М., 2013.

⁵ *Дризен Н.В.* Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. Пг., 1917.

⁶ См.: *Деревнина Т.Г.* III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973; *Оржиховский И.В.* Самодержавие против революционной России. 1826–1880. М., 1982; *Романов В.В.* Политическая полиция Российской империи 1826–1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск, 2007.

Андрей Минаков

Новая книга о князе В.П. Мещерском*

Andrey Minakov

(Moscow State Pedagogical University, Russia)

A new book about Prince V.P. Meshchersky

DOI: 10.31857/S086956870001583-2

На протяжении длительного времени известный общественный деятель, литератор, издатель и публицист князь Владимир Петрович Мещерский изображался в историографии преимущественно как один из наиболее влиятельных царедворцев и изощрённых организаторов закулисных интриг в царствования Александра III и Николая II. Советские исследователи, как правило, придерживались ленинских оценок, согласно которым это был «самый консервативный, “делающий министров” писатель», «прошедший огонь и воду и медные трубы в различных высших чиновничьих “сферах” Петербурга»¹. Не противоречили данной характеристике и хлёсткие отзывы одного из наиболее цитируемых в советское время мемуаристов — гр. С.Ю. Витте, хорошо знавшего князя и не стеснявшегося в критических высказывани-

ях о нём. Неудивительно, что представления о кн. Мещерском долго оставались клишированными. Однако несмотря на явно односторонние суждения, и современники, и историки признавали, что он был заметной и яркой фигурой в политической элите пореформенной России.

В книге Н.В. Черниковой, ставшей результатом многолетней работы, впервые в отечественной историографии на основе широкого круга источников последовательно раскрывается и анализируется политическая и творческая биография кн. Мещерского — с первых его шагов в свете и на службе до смерти летом 1914 г. Черникова отмечает, что формирование образа жизни, стиля общения и круга повседневных занятий князя происходило в петербургских салонах, где он с молодости устанавливал нужные ему знаком-

* *Черникова Н.В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 479 с., ил. (Люди России).